

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра _____ английского языка и литературы _____

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему Категоризация частей речи. Фреймовая модель. Проблемы изучения.

Исполнитель _____ Бурлакова Мария Александровна _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Грибенник Дмитрий Владимирович _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой _____ _____
(подпись)

_____ кандидат филологических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____
(фамилия, имя, отчество)

« 19 » мая 2018 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра _____ английского языка и литературы _____

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему Категоризация частей речи. Фреймовая модель. Проблемы изучения.

Исполнитель _____ Бурлакова Мария Александровна _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Грибенник Дмитрий Владимирович _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой _____
(подпись)

_____ кандидат филологических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____
(фамилия, имя, отчество)

« ____ » _____ 2018 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НАРУШЕНИЕ ЧУЖИХ ПРАВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ
СОБСТВЕННОСТЬ (ПЛАГИАТ)

Я, Бурлакова Мария Александровна, представляя к защите свою выпускную квалификационную работу «Категоризация частей речи. Фреймовая модель: проблемы изучения» для присуждения мне степени бакалавра по профилю 45.03.01 – «Зарубежная филология (английский язык и литература)» заявляю, что работа выполнена мною самостоятельно, без нарушения чужих прав на интеллектуальную собственность.

Я понимаю, что заимствование целого текста или его фрагментов без указания источника заимствования является умышленным присвоением авторства (плагиатом).

Я проинформирован(а), что в случае, если я буду уличен(а) в плагиате, моя работа будет дисквалифицирована и право повторной защиты мне будет предоставлено не ранее, чем через год.

Число

подпись от руки/ расшифровка

Оглавление

Оглавление	3
Введение.....	4
Глава I. Части речи в свете когнитивного подхода	7
1.1. Формальный и функциональный подходы в лингвистике	7
1.2. Современная когнитивная лингвистика	9
1.3. Категоризация частей речи с позиции когнитивной лингвистики	12
1.4. Понятие фрейма в свете когнитивного подхода.....	20
1.5. Проблема изучения фрейма: субъективность в когнитивном анализе	22
Выводы по главе I	23
Глава II. Анализ фреймовой модели и выявление проблем	25
2.1. Общая характеристика фреймовых моделей с позиции частеречной категоризации	25
2.2. Прототипические признаки категории глагола	25
2.2.1. Глаголы действия.....	26
2.2.2. Глаголы процесса.....	28
2.2.3. Глаголы состояния.....	29
2.3. Прототипические признаки категории существительного.....	33
2.4. Прототипические признаки категории прилагательного	39
2.5. Анализ фрейма «путешествие», выявление проблем.....	40
Выводы по главе II.....	42
Заключение	44
Список литературы	45
Источники	48

Введение

Современная лингвистика расширяет границы своих интересов всё больше, сливается с другими науками и взаимодействует с различными аспектами жизни человека, так как объект её изучения находится повсюду. Считается, что язык неоднороден и содержит в себе единицы, которые выполняют различные функции. Среди частей речи принято различать действие, предмет и признак. В ходе развития лингвистики научное сообщество пришло к выводу, что для облегчения анализа и углубленного изучения лингвистики необходимо конкретизировать частеречную дифференциацию в целях упрощения разностороннего анализа текстов и для удобства в употреблении терминов. Рассматривая отличия одной части речи от другой, в большинстве концепций мы можем выделить следующие признаки: синтаксис, грамматическое значение и морфология.

Когнитивный раздел лингвистической мысли, предлагает нам такую модель частеречного деления, как фреймовая модель. Изначально понятие «фрейм» в 70-е годы XX века предлагает Марвин Минский. С этого момента данный термин начинает всё чаще появляться в концептах обширного спектра области знания: от социологии до искусственного интеллекта и программирования. В филологии фреймовая модель категоризации речи имеет схожие черты с концепцией семантических полей. В когнитивной лингвистике русского языка первые части речи в рамках фрейма выделяет лингвист Елена Самойловна Кубрякова.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что категоризация частей речи в свете когнитивного подхода изучается широко и интенсивно в наше время. Среди рассматриваемых моделей категоризации частей речи существует относительно новая и широко обсуждаемая фреймовая модель частеречного деления, которая занимает важное место среди таких моделей. Однако проблемы фреймовой модели исследованы недостаточно.

Цель – рассмотреть фреймовую модель категоризации частей речи, исследовать её особенности и общие характеристики, интерпретировать и

систематизировать существующие представления, выявить проблемы фреймовой модели.

Задачи:

- 1) Проанализировать состояние вопроса категоризации частей речи в когнитивной лингвистике;
- 2) Рассмотреть фрейм и проблему изучения фреймовой модели;
- 3) Выделить и описать основные категориальные значения глаголов с позиции фреймовой семантики;
- 4) Выделить и описать основные категориальные значения существительных с позиции фреймовой семантики;

В дипломной работе используются такие **методы исследования** как: исследование литературы, лингвистическое наблюдение, метод логических обобщений, сравнения и абстрагирования, концептуальный анализ, фреймовый анализ.

Объект исследования – категоризация частей речи в когнитивной лингвистике.

Предмет – концепция фреймовой модели категоризации частей речи.

Материал исследования составляет корпус исследовательских работ по когнитивной лингвистике и повесть Джерома Клапки Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки».

Методологической базой исследования явились идеи Марвина Минского о понятии фрейма и семантических сетях, положения когнитивной лингвистики, разрабатываемые в трудах Р. Лангакера, Дж. Лакоффа, Н.Н. Болдырева, работы Е. С. Кубряковой, в которых части речи рассматриваются с позиции когнитивной лингвистики.

Практическая значимость: результаты работы могут быть использованы при составлении курсов по когнитивной лингвистике.

Апробация работы: основные положения выпускной квалификационной работы были представлены в докладе на студенческой научной конференции на кафедре английского языка и литературы РГГМУ 10 апреля 2018 года.

Объём и структура работы. Содержание изложено на 45 страницах печатного текста и содержит введение, две главы, сопровождающиеся выводами, и заключение.

Список использованной литературы состоит из 45 наименований, из них 13 источников на иностранном языке.

Глава I. Части речи в свете когнитивного подхода

1.1. Формальный и функциональный подходы в лингвистике

Лингвистика как область науки определяется свойствами объекта её изучения, поэтому лингвистика плохо укладывается в общепринятую дифференциацию дисциплин на науки естественнонаучного и гуманитарного. Объект лингвистики – естественный язык и его проявления.

Когнитивная лингвистика — направление в языкознании, исследующее проблемы соотношения языка и сознания, языковых форм с их когнитивными аналогами, роль языка в категоризации и концептуализации мира, в процессах познания и обобщения опыта человека, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. Отличие когнитивной лингвистики от других когнитивных наук заключается именно в ее материале – она исследует сознание на материале языка. Объектом когнитивной лингвистики является язык как механизм познания.

Когнитивные лингвисты занимаются изучением того, как человек использует речь и язык для выстраивания конкретных концепций, структур знаний, категорий. Изучается роль языка в процессе познания окружающего мира, каким образом наш опыт отображается в языке. Также ставится вопрос о том, в какой степени наше сознание влияет на язык, а в какой — язык на сознание, и каково соотношение этого взаимовлияния.

С XX века в лингвистике появляется направление мысли, которое называется «формальным» и основывается на идее о том, что язык представляет собой врожденную, естественную, автономную систему, в объяснении происхождения которой нет необходимости. Функционализм основывается на том, что языковая форма объясняется её функциями, противоположно представлению последователей Ноама Хомского о том, что универсальная грамматика врожденна и поэтому не требует объяснения, а языковая форма ничем не мотивирована и произвольна.

Функциональная же теория языка исходит из идеи о том, что язык, как и другие проявления живых систем, может быть объяснен. Чтобы понять ту или иную научную теорию, важно определить контекст её возникновения, а также то, чему она противопоставлена. Часто эту теорию приравнивают к дарвинизму в биологии. До того, как Дарвин предложил свою концепцию естественного отбора, биология представляла собой базу разрозненных фактов. Конечно, биологами не оставлялась без внимания схожесть некоторых видов животных и растений и некоторая различимость других, однако объяснить данное разнообразие не представлялось возможным. Дарвин предложил функционалистскую в этом смысле гипотезу естественного отбора, которая попыталась определить природу биологического разнообразия.

Также в рамках этого направления возникают более частные гипотезы. Например, о том, что человеческий язык изначально появился у наших отдаленных предков в виду некой мутации, как случайное приобретение в ходе человеческой эволюции. Функциональный подход не формирует априорных аксиом о структуре языка и интересуется всем объемом фактов естественных языков, оперируя большими корпусами данных. Функционализм имеет тенденцию к использованию количественных методов и эмпирических данных. Важно также отметить, что характерной чертой функционализма является междисциплинарность интересов. [12]

Присущая функционализму междисциплинарность интересов соответствует сформулированному Дж. Лакоффом когнитивному обязательству о том, что объяснение и описание тех или иных языковых фактов с точки зрения когнитивной лингвистики должно согласовываться с эмпирическими данными других наук. [38, с. 40]

Однако противопоставление между формализмом и функционализмом не является элементарным, так как учитываются по крайней мере, два различных, логически независимых друг от друга противопоставления:

1. Интерес к формальному аппарату представления
2. Интерес к объяснению языковых фактов

1.2. Современная когнитивная лингвистика

Вопрос связи психологии и сознания с мозгом игнорировался классической когнитивной наукой, что служило поводом для критики в её адрес. В 90-е годы XX столетия начинает широко использоваться функциональная магнитно-резонансная томография, использующая методы визуализации мозга, позволяющие действительно эмпирически связать ментальные аспекты с физиологией мозга.

Ключевыми техническими достижениями, изменившими когнитивистику, стали новые методы сканирования мозга. В 90-е годы прошлого столетия начинает широко использоваться функциональная магнитно-резонансная томография, открытая в 1973 году и позволившая учёным видеть активацию коры головного мозга при функционировании органов, за которые отвечает той или иной участок коры. Это изменяет представления научного сообщества о репрезентации человеком окружающей реальности.

Функциональная МРТ позволяет определить индивидуальное местоположение и особенности областей мозга, отвечающих за речь, мышление, память и многие другие когнитивные функции, индивидуально для каждого человека. Данный способ изучения мозга с помощью МРТ обеспечивается тем, что при работе определённых отделов мозга в них усиливается нейронная активность и кровоток. В процессе проведения ФМРТ носителю языка предлагается выполнение определённых заданий, при котором регистрируются участки мозга с повышенным кровотоком. Как частный пример, в ходе вышеописанных опытов было обнаружено, что когда индивид мысленно воспроизводит фрейм страха, представляется возможным заметить активность в области миндалины и гипоталамуса. Или же, при выполнении автоматизированных действий, изображение отличается подсвечиванием базальных ядер, в отличие от случаев с новыми, не автоматизированными для человека действиями. В одном из первых лингвистических исследований, применяющих технику позитронно-эмиссионной томографии, участвует

функционалист Ван Валин, исследователь теории референциально-ролевой грамматики.

Важность открытия функциональной магнитно-резонансной томографии заключается в том, что появляется возможность действительно регистрировать связи для последующего анализа, а значит, предлагать наиболее стойкие и соотносящиеся с реальностью гипотезы. Прогресс в когнитивистике, как полагают учёные, позволит исследовать и объяснить процессы в мозгу человека, ответственные за высшую нервную деятельность.

Доказательность теорий необходима для выполнения требования научной эмпирической теории и соответствует «когнитивному обязательству» Джорджа Лакоффа. Таким образом, данный метод позволяет выдвигать лингвистические гипотезы, действительно удовлетворяющие критерию научности эмпирической теории как совокупности теоретических разработок, применимых к поддающимся эмпирической верификации объектам. Данный критерий был сформулирован К. Р. Поппером в 1935 году. Согласно ему, теория удовлетворяет критерию Поппера исключительно в том случае, если существует гипотетическая возможность её опровержения с помощью того или иного эксперимента, даже если этот эксперимент ещё не был поставлен. Иначе говоря, действительно научная теория не может быть принципиально непроверяемой. Тем самым, согласно этой доктрине, решается проблема демаркации — отделения научного знания от ненаучного. [22]

Обобщая выше обозначенное, предполагается, что исследования в области лингвистики не должны расходиться с результатами исследований других областей знания, а курсу лингвистических исследований, по нашему мнению, следует соответствовать глобальному научному тренду. Учитывая то, что другие науки, как нейробиология тоже работают в области изучения языка, нам не представляется целесообразным игнорирование некоторых положений.

Современные тенденции к размытию условных границ среди наук предполагают, что будущее лингвистики заключается в том, чтобы совместно со смежными науками, изучающими человека и его поведение, такими как

психология, социология и нейробиология, исследовать человека и его сущность как единое. Это связано с тем, что границы между науками в современном понимании становятся некими условными историческими артефактами.

1.3. Категоризация частей речи с позиции когнитивной лингвистики

Категоризация определяется как процесс систематизации любых полученных знаний, то есть распределения информации по тем или иным кластерам, существующим в головном мозге человека. Так как в человеческом сознании мир представляется в предметах, действиях и признаках, большинство языков стремятся к тому, чтобы также иметь в себе их категории, такие как существительные, прилагательные и глаголы. Можно считать, что это просто некое свойство языка, которое не требует никаких комментариев, но так как наша работа в рамках функционализма, попробуем объяснить природу частей речи.

Поскольку слова очень просто переходят из одной части речи в другую, возникает вопрос о целесообразности деления слов на частеречные категории. Согласно, например, теории Пола Хоппера и Сандры Томпсон, категории глагола и существительного как таковые появляются лишь в дискурсе, в процессе актуализации. Сами категории не находятся в ментальном лексиконе, а используются в дискурсе как синтаксические функции либо события, либо партисипанта этого события, и только они становятся либо глаголами, либо существительными. Так, Хоппер и Томпсон рассматривают дискурсивную функцию как единственный способ определения категориальной принадлежности языковых единиц. [14]

Имеется в виду, что у говорящего отсутствует какая-либо ментальная репрезентация категории глагола и существительного, но, так или иначе, предполагается наличие несистематизированного знания о формах употребления языковых единиц в определённом числе и роде. Наш ментальный лексикон, действия, отношения, вкусы, микродвижения и привычки, в том числе и схемы использования языка – у всего этого есть объективно существующие конкретные нейронные сети какого-либо отдела нервной системы человека, которыми он, так или иначе, овладевает в процессе

научения. Таким образом, научение чему-либо предполагает структуру, а значит, и делится на категории и имеет в себе определённые связи.

Рассматривая отличия одной части речи от другой, в большинстве концепций мы можем выделить следующие критерии разделения: синтаксис, грамматическое значение и морфология. Например, морфологический признак частеречной дифференциации заключается в том, что один ряд суффиксов характерен для существительного, другой для глагола. Также к морфологическому признаку относят парадигматические проявления и словоформы. Так, морфологический критерий учитывает изменение формы, синтаксический – изменение функции, а когнитивный – изменение значения.

Поскольку английский язык является языком аналитическим, морфологические показатели (т.е. флексии) в нём не очень существенны, поэтому в современной когнитивной лингвистике больше внимания уделяется функциональному и семантическому подходу.

Окказиональное употребление слова в новой для него синтаксической конструкции, которая затем может закрепиться за ним, и частое употребление одной падежной или глагольной формы в определенной позиции создают базу для перехода слова в другую часть речи.

Классические теории частей речи и систематизации языка исходят из большого количества различных критериев, как семантических, так и формальных. Все они имеют некоторые преимущества, однако систематически содержат одну и ту же проблему, которой является обширная база исключений, ставящая под сомнение убедительность описываемой системы. Возникает расхождение между естественной онтологией мира и четкой логикой категории в ее классическом понимании, отторгающей любые, даже незначительные отклонения от прототипического образца категории.

Некоторые категории частей речи подразделяются на меньшие, лексико-грамматические категории. Подобно самой частеречной категоризации, разделение частей речи в лексико-грамматические категории разнообразно и зависит от различных семантических и морфологических аспектов. Они

обладают общим семантическим признаком, оказывающим влияние на способность слов репрезентировать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий. В лексико-грамматической категории существительного выделяются такие разряды, как абстрактность и конкретность, а также существительные делятся на имена собственные и имена нарицательные. Прилагательные, например, подразделяются на качественные, относительные и притяжательные.

Принадлежность к той или иной семантической категории для существительных связывается с категорией числа. Вместе с тем применение множественного числа у абстрактных и вещественных существительных не бывает частотным. При этом запрет на множественное число не носит строгого характера, особенно у имён собственных [7]

У прилагательных притяжательный разряд имеет особый тип словообразования, относительные прилагательные часто не имеют степени сравнения и краткой формы, а также от них не образуется наречия в прямом значении. С типологической точки зрения значение относительных прилагательных во многих языках мира выражается не прилагательными, а существительными [21, с. 110]

В ономасиологическом направлении части речи рассматриваются, прежде всего, как слова, называющие с помощью разных структур разные по своей природе фрагменты мира. Прототипический подход подразумевает описание прототипических образцов существительного и глагола, а также особенности перехода к периферийным единицам. Для этого используется противопоставление фона и фигуры. Как правило, внимание обращено прежде всего к предметам в действии, в то время как само движение рассматривается относительно какого-либо стабильного предмета, то есть как перемещение фигуры на определённом фоне. Стоит отметить, что уже в самом по себе акте номинации говорящим осуществляется некая категоризация. Исходя из этого, ономасиологический подход видит установление высших категорий иерархии первичным. Прототипический же подход ориентируется в большей степени на

образец, прототип категории, приходящийся на более низкий, базисный уровень категоризации. В обоих случаях признаётся важность классификации единиц того концепта, который складывается в голове человека и отражает опыт деятельности с соответствующими репрезентируемыми объектами.

Во всех направлениях делается попытка установить общие черты всех существительных и всех глаголов. В ономаσιологическом направлении эта проблема решалась за счет признания для каждой части речи её главного концепта, на которых ориентируются все члены одной части речи. В качестве таких концептов здесь выделяется концепт предметности для существительного, процессуальности для глагола и признаковости для прилагательного и наречия. [23]

Однако остаётся открытым вопрос отнесения к одной и той же категории таких обозначений, как «добро» и «камень», «заяц» и «гравитация». Поэтому этот концепт должен получить более конкретные рамки.

Согласно классификации лингвиста Соломона Давидовича Кацнельсона грамматические классы - это функциональные объединения, сгруппированные благодаря той функции, которую может выполнять отдельное лексическое значение слова в предложении. [11]

Выделив главное для всей системы однозначных частей речи противопоставление предметных и не предметных значений, предмета и признака, Кацнельсон ограничивает круг предметных значений, а всё, что в этот круг не входит - отмечается как признак. И всё же данная интерпретация не отвечает на вопрос о том, как и в каком объёме можно использовать сам термин «части речи» в типологическом описании языков.

Также отмечается проблема определения основания, на котором можно отнести события, отношения, философские и логические категории, вынесенные за пределы предметных значений, к значениям признаковым. Слова «наводнение», «гроза», «обвал» могут быть признаны событийными, но не могут считаться признаковыми. Даже если действительно исключить их из области предметных значений, и признать их способность формировать

собственные классы слов, возникает вопрос, к какой же части речи их следует относить. Строго говоря, они обладают той же способностью служить экспликандумом, как и слова «стол», «дерево».

Деление объектов на стабильные, устойчивые и, напротив, не сохраняющие идентичности самим себе, меняющиеся под влиянием определённых причин (движений, действий), сказывается на феномене «перманентности» предметов. Этот термин ввёл швейцарский психолог Жан Пиаже, которым была проведена серия исследований развития у детей понятия предмета и пространства.

Согласно его теории, по мере развития репрезентация становится менее зависимой от того, какую информацию собирает наше зрение и внутренне ориентированной. Представление оперирует с объектами, которые нам не видны. Появляется устойчивая внутренняя репрезентация. Поэтому язык - то средство, которое нужно не столько для коммуникации, сколько для репрезентации окружающего мира.

Согласно результатам исследований Жана Пиаже, этап овладения миром у ребёнка завершается формированием репрезентации некоторых стабильных объектов, проявляющих черты устойчивости во времени. Релевантность этого признака и для категоризации в языке была впервые особенно отчетливо выражена в работах Т. Гивона. Также Жан Пиаже считается родоначальником науки эпистемологии, тесно взаимодействующей с когнитивной наукой. Его исследования мыслительного процесса лежат в основе определения мышления человека, был поставлен вопрос о познании, а основой разработок Ж. Пиаже в области эпистемологии служат положения эволюционной биологии. [20]

Т. Гивон видит переход одной части речи в другую в рамках так называемой шкалы временной стабильности. На этой семантической шкале существительные, глаголы и прилагательные отмечаются особой дистрибуцией. [32, с. 51-52]

Согласно этой концепции имя существительное менее подвержено изменениям и представляется как самый стабильный объект шкалы, который

медленно изменяется во времени и в терминах его свойств остаётся идентичным самому себе. [32, с. 321]

Наименее устойчивыми во времени являются действия и события, связанные с быстрым изменением, чаще всего - глаголы, которые, в конечном счёте, характеризуют переходы от одного состояния к другому.

Промежуточное место на шкале временной стабильности занимают прилагательные, приближаясь по своим характеристикам то к действию, то к предмету. В подавляющем большинстве случаев они обозначают длящиеся во времени устойчивые признаки объектов и, как правило, определяют физические свойства объектов: форму, запах, цвет, вкус.

Таким образом, в начале шкалы находятся активные глаголы, обозначающие быстрые изменения в положении дел. За ними идут стальные глаголы, описывающие положение дел в собственном смысле слова, далее прилагательные, которые обозначают временные состояния, как и стальные глаголы, ещё дальше – прилагательные, обозначающие постоянные качества и свойства, а рядом с ними существительные с теми же значениями. И, наконец, существительные, обозначающие стойко сохраняющие свои ингерентные свойства единицы.

Критика в адрес Т. Гивона, сводится к тому, что не совсем понятно, как могут быть установлены на указанной шкале её отдельные отрезки или точки, а также к тому, что сложно определить отрезок времени, который может рассматриваться как контрольный для определения стабильности или нестабильности кодируемого объекта. [28, с. 85-86, 34, с. 368]

Если Гивон предлагает линейное расстояние между референциальным средством и антецедентом, то авторы теории риторической структуры предлагают более реалистичное, нелинейное измерение в риторическом графе. В 1992 году Уильям Манн и Сандра Томпсон предложили теорию риторической структуры, которая подразумевает некоторую осмысленную связь между единицами дискурса. Дискурс устроен иерархически и является многоуровневой структурой, но риторические отношения на всех уровнях, как

правило, соответствуют одному из 24 предложенных авторами отношений. Среди них встречаются такие отношения как: условие, оценка, цель, обстоятельство, обоснование и т.д. Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра, либо роль сателлита.

Гораздо более глубокое истолкование дискурсивных начал в становлении частей речи было дано в работах Пола Хоппера и Сандры Томпсон. Их теория может быть по праву названа дискурсивной теорией частеречной категоризации. Согласно их концепции, семантические признаки необходимы, но они недостаточны, чтобы создать различающиеся части речи. [33 с. 359]

Первоначальной причиной категоризации языка на части речи являлась дифференциация ролей, которые они играли в дискурсе. Хоппер и Томпсон считают, что степень приобретения прототипических свойств имён зависит от той степени, в которой рассматриваемая форма служит для введения в текст партиципанта, главного участника. Чтобы форму могла быть определена как прототипический глагол, она должна утверждать в дискурсе наличие некоторого события. [33, с. 708]

Иными словами, дискурсионный подход частеречной категоризации предполагает, что существительное может являться прототипическим исключительно в случае, когда в дискурсе присутствует партиципant, в то время как прототипическим глагол считается при введении обозначения некоего события.

Я. Тестелец, однако, говорит, что различие партиципантов и событий в любом случае входит в значение понятий имени и глагола, что возвращает к определению одного неизвестного через другое неизвестное. [27, с. 87] Ему же принадлежит идея об определении части речи через элементарные синтаксические функции слов. [28]

Объясняется это несоответствие тем, что в предложениях типа "Не пристёгиваться - опасно" в качестве партиципанта используется глагол, для построения предиката - наречие. А в предложении "Я - робот" событием является бытие роботом.

Р. Лангакер предложил иную трактовку частей речи. Указывается, что если собственно семантические определения частей речи действительно вряд ли возможны, прототипические характеристики дать глаголу и существительному достаточно реально. [41, с. 60]

Каждое языковое выражение является единицей концептуальной структуры. Подчёркивается также необходимость собственно лингвистического представления этого обозначаемого, той формы, в которой оно объективируется в языке. Различие языковых форм обуславливается тем, что само содержание конструируется по-разному и вызывает разные реакции на обозначаемое. Каждый языковой знак - результат когнитивной обработки информации.

Систему обозначения сцен говорящими обеспечивает также грамматика, которая имеет для этого не только ряд готовых единиц, но и обладает различными схемами, моделями сборки. Кроме знаков в грамматике существуют системы объединения единиц в комплексные единицы, а цель грамматического описания заключается в том, чтобы показать, какими типами схем располагает отдельно взятый язык и каково их реальное поведение в тексте. [41, с. 12]

Таким образом, существительное служит обозначению концепта «вещь», смысл которой может быть визуализирован на достаточно высоком уровне абстракции, исключительно схематически. Концептуальное описание возможно далеко не для всех классов слов, однако такие части речи, как существительное и глагол определённо могут быть охарактеризованы концептуально. Когнитивная грамматика Лангакера предлагает схемы, которые подходят каждой единице своей категории.

1.4. Понятие фрейма в свете когнитивного подхода

Впервые термин «фрейм» был употреблен в практике исследований по искусственному интеллекту М. Минским. В его толковании фрейм есть структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации. В своей теории М. Минский считает исходным тот факт, что человек, пытаясь выстроить знание о новой для себя ситуации или по-другому взглянуть на уже привычный сценарий, неосознанно выбирает из своей памяти некоторую структуру данных. Она выстроена таким образом, чтобы путём изменения в ней отдельных частей сделать её удобной и актуальной для понимания более крупного класса событий и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. Минскому принадлежит определение фрейма как «структуры данных для представления стереотипной ситуации». Согласно этому определению, фрейм можно представить себе образно как рамку или сетку из узлов и связей между ними. В оригинальной концепции Минского различаются фреймы классифицирующего (статического) и динамического (сценарного) типа. Он утверждает, что на фреймы теоретически можно разбить всю базу знаний человека. [17, с. 7]. Также отмечается, что естественные представления людей о мире непрерывны, а символичные описания – дискретны.

Среди всех информационных единиц фрейм выглядит наиболее обобщенной и поэтому универсальной системой представления самых разнообразных концепций. Фрейм представляется и как единица знания, организованная вокруг некоторого концепта, и как тип когнитивной модели репрезентации знания, которые связываются говорящим с типичными и часто повторяющимися ситуациями.

Существуют характеристики фрейма, являющиеся общими для всех его определений: фрейм содержится во всех видах памяти, собирает в себя наиболее общую информацию, социально и ситуативно обусловлен, актуализируется в дискурсе.

Вся речевая организация человека - это динамическая система и является одной из психических функций. Отображение реальности в языке не представляется возможным без задействования человеческой памяти, внимания и мышления. Осмысление опыта происходит на базе уже имеющихся знаний, однако в работах по современной лингвистике понятие памяти часто упускается, либо упоминается без разъяснений. То, что с точки зрения человека называется знанием, с нейрофизиологической точки зрения соответствует понятию "нейронная сеть" (пакет, модель, связь, установка). Все импульсы между нейронами хранят то, что принято называть образом, схемой, убеждением, воспоминанием, и, конечно же, знанием. Данные единицы имеют ответвления и связываются с другими единицами, образуя связь, цепь, ментальное пространство. Выше обозначенное и есть фреймовая модель, которая, в свою очередь может служить алгоритмом категоризации частей речи.

В лингвистике фрейм состоит из обязательных компонентов и факультативных компонентов. Обязательными являются субъект, предикат, объект.

1.5. Проблема изучения фрейма: субъективность в когнитивном анализе

Фрейм часто определяется как структура некоторых данных для представления часто повторяющихся стереотипных ситуаций. Вместе с тем систематизация конкретного набора определённых ситуаций в стереотипную обычно не имеет строгих правил. Обычно такие стереотипные ситуации выделяются исследователем, который основывает свои выводы на наблюдениях. Эмпирические знания о предметной области можно приводить как связный набор понятий, описывающий репрезентацию конкретных ситуаций. Любое понятие согласуется с конкретной ситуацией, а конкретные ситуации связаны с соответствующей им стереотипной ситуацией. Если понятия представляют собой неформальные знания о стереотипной ситуации, то фреймы — это формализованные знания. Так, фреймы репрезентируют понятия, описывающие события, объекты и характеристики предметной области. Это позволяет рассматривать фрейм как семантическую структуру с упорядоченными представленными знаниями. Эта структура знаний строится с помощью системы определённым образом связанных между собой фреймов.

Сложность изучения фрейма обуславливается субъективностью восприятия окружающего мира человеком. Когда мы говорим о восприятии, т.е. о ментальной репрезентации окружающего мира, мы имеем в виду конкретные физические и химические реакции между нейронами в коре головного мозга.

Нейроны и синапсы нашего головного мозга содержат знания о том, как ощущается синее, сладкое, холодное, грустное. Это субъективный опыт, определяемый реакциями между нейронами. Наше восприятие использует готовые модели, фреймы, сконструированные нашим мозгом в целях энергосбережения. Удобство субъективности фреймов заключается в том, что оно снижает сложность восприятия реальности и является необходимым фильтром для познавания внешнего мира. Иначе мозг должен быть способен

обработать слишком большие массивы информации, что на сегодня невозможно для существа, имеющего физическое тело.

Эти модели используются нашим мозгом всегда и многие из них отличаются от индивида к индивиду. Изложенная выше специфика субъективности представляет собой препятствие в изучении фрейма, так как фреймы отдельных индивидов будут отличаться ввиду различий в их строении мозга, которые, в свою очередь, неизбежно появляются в ходе развития человека в отличных условиях и в окружении различных концептуальных единиц. Кроме того, фрейм может быть постоянным и непостоянным. Примером устойчивого фрейма является процесс импликации в логике, а изменение со временем контекста и эмоционального тона некоторых слов – характеристика изменчивого фрейма. Например, слово «предприниматель» имеет разный коннотат в 90-е годы предыдущего столетия и сегодня. Также существительное «хипстер» употребляется в негативном контексте в 2014-2016 годов, но вскоре возвращается к нейтральному оттенку. Точно так же понятие «телефон» сегодня слабо связано с тем аппаратом, который изначально определялся, как телефон.

Выводы по главе I

В данной главе был произведён краткий обзор исследований, посвященных классификации частей речи в отечественном и зарубежном языкознании, определяются основы выделения частей речи с общими признаками.

Наиболее продуктивной с нашей точки зрения вариантом является гипотеза, согласно которой части речи считаются «естественной», прототипической категорией с отсутствием четких границ между ее соседними членами, но обладающей общими характеристиками, которые позволяют прототипически определять действие, предмет и признак.

Также нами был произведён фреймовый анализ фрейма-сценария «путешествие», выявлена проблема субъективности в выстраивании подобного

рода фрейма. Тем не менее, несмотря на субъективность репрезентации какого-либо фрейма каждым отдельным индивидом, потенциально выполнимой задачей является составление сценария-прототипа, общего для всех носителей языка. Решением данной проблемы представляется проведение сопоставительного анализа корпуса текстов о путешествии, установление универсальных национально-специфических и социально обусловленных черт репрезентации концепта «путешествие».

Глава II. Анализ фреймовой модели и выявление проблем

2.1. Общая характеристика фреймовых моделей с позиции частеречной категоризации

Тремя наиболее значимыми для языка категориями являются существительное, глагол и прилагательное. Большинство систем частеречной категоризации и систематизации языка исходят из большого количества различного рода критериев, основанных как на форме, так и на семантике. Все они обладают некоторыми преимуществами, однако систематически содержат одну и ту же проблему, которой является обширная база исключений, ставящая под сомнение убедительность описываемой системы. Возникает расхождение между естественной онтологией мира и четкой логикой категории в ее классическом понимании, отторгающей любые, даже незначительные отклонения от прототипического образца категории.

Проявления прототипичности заключаются в том, что центральные единицы какой-либо категории содержат в себе все свойства данной категории. Близкие к ядру фрейма единицы быстрее опознаются, быстрее усваиваются, являются наиболее частотными в употреблении, ускоряют решение идентификационных проблем, а также используются в логическом вычислении того, что является референтом для имени. [37, с. 32]. Прототипические характеристики проявляются особенно ярко, когда эти единицы в дискурсе используются вместо целой категории. [37, с. 33]

2.2. Прототипические признаки категории глагола

По мнению Н.Н. Болдырева, неоднородность глагольной семантики и связанные с ней прототипические эффекты приводят к необходимости использования прототипического подхода в качестве основного методологического принципа исследования. Под прототипическими эффектами в данном случае подразумеваются градация глаголов по степени выраженности определенных лексико-грамматических характеристик, наличие более и менее

типичных представителей тех или иных глагольных классов, полифакторность процесса функциональной категоризации глагола, а также разная природа самих факторов. [5] Приведём некоторые из этих характеристик.

2.2.1. Глаголы действия

Ядро фрейма глагола как части речи составляют акциональные глаголы, предполагающие действие, какую-либо активность и в наибольшей степени реализующие событийные признаки. Эти глаголы используются при описании волитивного действия, события, участниками которого являются агенс и пациенс. Признаки акционального глагола зависят от агенса – активность его действия, намеренность, степень контроля. От объекта зависят такие признаки, как делимость, длительность, повторяемость, определение конкретного времени и наличие изменений в объекте. [5, с 43]

Важным признаком акционального глагола служит его переходность. Переходность – это признак глагола, заключающийся в возможности подчинения глаголу сильноуправляемой субстантивной беспредложной формы винительного падежа (а в некоторых случаях – родительного падежа) с объектным значением. Содержательной стороной переходности и непереходности категории является передача типа субъектно-предикатно-объектных отношений: переходность определяет направленность действия субъекта на объект, непереходность говорит о замкнутости действия в сфере субъекта. Референциальным основанием переходности категории в узком ее понимании является лексическая семантика глагола, в широком понимании переходности - непереходности категории обусловлена взаимодействием разноплановых категорий.

Переходность глагола предполагает наличие того или иного объекта воздействия. Значение таких переходных глаголов может быть связано с обозначением созидания, разрушения, уничтожения, изменения или

воздействия. Непереходные глаголы могут обозначать становление признака, перемещение, положение в пространстве, звучание, состояние.

В качестве примера прототипических акциональных глаголов приведём и проанализируем глаголы to beat, to take, to push, to break.

«We took the sculls and tried to push the boat off the mud, and, in doing so, we broke one of the sculls». [45, с. 158]

Ранее нами было отмечено, что деструктивные глаголы часто являются переходными, прототипическими. В данном примере есть глагол to break – прототипический акциональный глагол разрушения, который находится близко к ядру фрейма глагола, как и переходный глагол to push. To take также является прототипическим переходным глаголом. Анализ: если можно ломать один предмет в течение какого-то времени, то процесс взятия одного предмета не кажется нам долгим процессом. Это наблюдение обусловлено предельностью глагола to take. Вместе с тем, долгим процессом может обозначаться случай, когда глагол «брать» употребляется в контексте сбора множества предметов, определяемых как собирательное существительное. Однако, по мнению М. В. Никитина, собирательное существительное, так или иначе, состоит из составных частей, каждое из которых можно «брать» отдельно. [18]

Так, можно сделать вывод, что глагол to take находится ближе к ядру глагола, чем глагол to break, даже являясь глаголом разрушения. При этом в контексте приведённой выше ситуации глаголы to break и to take находятся на одном расстоянии от ядра, поскольку на то, чтобы взять весло и сломать его у путешественников ушло примерно одинаковое количество времени. Все три глагола также относятся к акциональным глаголам, предполагающим действие, что тоже считается признаком прототипического глагола.

Фрейм прототипического глагола действия обладает слотами предельности, переходности, волитивности, акциональности.

2.2.2. Глаголы процесса

Помимо акциональных глаголов, обозначающих действие, существуют неакциональные глаголы неактивного действия, глаголы процесса. Чаще всего эти глаголы неопределены и находятся между ядром и периферией фрейма категории глагола.

Важной чертой прототипического глагола является предельность. По определению Н.Д. Арутюновой, предельный глагол подразумевает стремление к завершению, к достижению предела, т.е. той конечной точки, при достижении которой действие заканчивается, т.к. полностью себя исчерпывает. Частным случаем предела действия, «точки завершения», является результат. [2, с. 4] Процессуальные глаголы неопределены, поскольку предельные глаголы являются глаголами действия, значит, противопоставляются процессуальным глаголам - глаголам деятельности. Рассмотрим пример с прототипическим процессуальным глаголом *to walk*, который не находится в ядре самого фрейма категории глагола.

«The ghost of the Lady Holy, who beat her little boy to death, still walks there at night, trying to wash its ghostly hands clean in a ghostly basin». [45, с. 122]

В данном примере важен контекст, так как здесь фрейм глагола *to walk* содержит слот необъектности, активности, однако слот предельности не выражен. Именно в данном случае глагол *to walk* настолько процессуален и неопределен, насколько это возможно, так как в процессе инференции мы узнаем из контекста предложения, что бродит не кто иной, как призрак, обычно бродящий бесконечно, что делает глагол *to walk* в этом контексте процессуальным, неопределенным, а значит и менее прототипическим глаголом. Стоит отметить, что процессуальность в данном случае обусловлена активацией темпорального терминала в фрейме глагола «*to walk*», что выражается глагольной формой непрерывности (Continuous).

Фрейм глагола *to beat* обычно вмещает слоты динамичности, активности и выраженной волитивности, хотя часто выражает процесс. Однако в контексте данного предложения глагол *to beat* выражает предельность, так как исходя из

факта смерти объекта видно, что процесс был закончен. Таким образом, мы приходим к выводу, что комбинаторика играет важную роль в определении прототипичности какой-либо части речи.

В разных глаголах предельность выражается с разной степенью однозначности. При этом связь категории предельности с категорией вида существенным образом зависит от контекста: при определенных условиях предельный глагол может выражать значение несовершенного действия и наоборот.

«George **offered** to go on and give us our revenge; but Harris and I **decided** not to battle any further against Fate». [45, с. 182]

«Предложить» и «решить» - прототипические предельные глаголы.

2.2.3. Глаголы состояния

Кроме акциональных и неакциональных глаголов существуют статальные глаголы, которые не предполагают в своей семантике активный переход действия на предмет: to live, to hope, to be, to exist. К глаголам состояния относятся глаголы чувств и эмоций, мыслительных процессов, глаголы восприятия, мнения, принадлежности.

Так, периферийность глагола определяется и его релятивностью. Н.Н. Болдырев отмечает, что особенностью категориального значения релятивных глаголов со значением компаративности являются инактивность субъекта и статичность объекта. Это значит, что на объект не производится никакого воздействия, а события, обозначаемые данной группой глаголов, представляют определенный тип отношений между участниками или элементами обозначаемого события, следовательно, такой тип глаголов представляет событие в статическом аспекте, т. е. эти глаголы не являются акциональными, выражающими действие. [5, с 44]

Релятивно-оценочные глаголы, передающие семантику компаративности, составляют отдельный подкласс глагола состояния и определяют отношения

между онтологическими объектами. К таким глаголам относятся отношения и соотношения, в которые вступают рассматриваемые сущности: явления, предметы, действия, свойства. Они репрезентируют отношения сходства или различия, в их основании лежит концепт «сравнение», который характеризуется сложной, многоплановой сущностью. Важной особенностью релятивно-оценочных глаголов является то, что формирование категориального значения релятивности обусловлено инактивностью субъекта и статичностью объекта, полным отсутствием какого-либо воздействия на объект. Глаголы, реализующие данное значение, представляют то или иное событие в статичном аспекте как определенный тип отношений между его элементами. Основными грамматическими актуализаторами данного значения является нетипичность для него переходных конструкций. Напротив, типичны для данного значения глаголы, обнаруживающие в своем семном значении компоненты «бытийность» и «релятивность». Соответственно исходная субкатегоризация этих глаголов основана на их лексической семантике, отражающей различные типы логических отношений, такие как отношения равенства или неравенства, подобия или различия, превосходства или недостаточности признака, тождества, сходства, эквивалентности.

Релятивные глаголы по своим семантическим признакам являются неакциональными и реализуют различные семантические признаки: статичность, отсутствие временной ориентированности или закреплённости, неконтролируемость, неуправляемость, инактивность. Следовательно, они являются несовместимыми со значением формы «длительность, процессуальность». Таким образом, релятивно-оценочные глаголы с семантикой компаративности не могут передавать значение протекания действия, которое имеет тенденцию к завершению.

Фрейм релятивного глагола содержит в себе центральные слоты значения компаративности, инактивности субъекта и безобъектности, статичности, отсутствия какой-либо динамики, поскольку релятивный глагол используется для выражения изменений, замкнутых в субъекте.

В качестве прототипов глагола состояния приведём глаголы to become, to seem, to forget, to know, to taste. Центральными слотами фрейма этого непрототипического глагола являются слоты релятивности, статичности, многовалентности.

«I **know** a place round the corner here, where you can get a drop of the finest Scotch whisky you ever **tasted** – put you right in less than no time». [45, с. 15]

Глагол состояния, описывающий мыслительную деятельность – «to know» - неопредельный, ментальный, соответственно - непрототипический. Таким же периферийным является глагол to taste, относящийся к классу глаголов чувственных восприятий и ощущений.

«I don't **know** why it should be, but everybody is always so exceptionally irritable on the river». [45, с. 177]

Глагол состояния «знать» - прототипический статальный глагол, относится к ментальным и неопредельным глаголам, находится на периферии фрейма категории глагола как такового.

Проанализируем следующий отрывок: «and I looked round, and found I had **forgotten** them». [45, с. 34]

Глагол to forget является ментальным, соответственно, не находится в ядре категории глагола, однако, будучи переходным, не относится к самым непрототипическим глаголам, максимально далёким от ядра фрейма, таким, например, как agree.

«And I **agreed** and sat down, and they had a go». [45, с. 34]

В данном случае глагол agree – непереходный и неакциональный, соответствует признакам непрототипического глагола и находится на периферии фрейма.

Валентность также является критерием определения прототипичности глагола. В лингвистику это понятие введено С. Д. Кацнельсоном. Л. Теньер, вводит термин «валентность» в западноевропейское языкознание для обозначения сочетаемости, относит его только к глаголу. У глагола значением валентности является количество типов актантов, которые он может

присоединить. Различаются глаголы авалентные (безличные), одновалентные (непереходные), двухвалентные (переходные) и трёхвалентные (с двумя актантами). [10]

«Instead of helping you, it **seems** to you that the other man is simply playing the fool». [45, с. 15]

«To seem» – трёхвалентный глагол, процессуальный, является ментальным и неакциональным глаголом, поскольку обозначает пассивное физическое восприятие, поэтому находится на периферии фрейма категории глагола.

Таким образом, акциональные глаголы – активные переходные глаголы действия, процессуальные глаголы чаще всего интранзитивны и обозначают деятельность, глаголы свойства выражают обобщённое действие, статальные глаголы не предполагают активности как таковой.

2.3. Прототипические признаки категории существительного

Как и фрейм прототипического глагола, фрейм прототипического существительного имеет в своей структуре ядро и периферию. Удалённость от ядра и прототипичность того или иного существительного зависит от одушевлённости и неодушевлённости, от абстрактности и конкретности.

Абстрактные существительные - это имена признаков физических тел, они выступают как предикаты, а их денотатом является ситуация, вставленная в другое событие. Признаки могут быть разного рода: признаки состояния, качества, процесса, действия. Конкретные существительные – это физические тела, которые подразделяются на классообразующие, вещественные и собирательные. Центральными слотами этого существительного являются целостность, дискретность, эмпирическая данность. Так, предметом называют физическое тело, которое можно выделить в пространстве, обладающее отдельностью, целостностью, темпоральной стабильностью и противопоставлено другим предметам в пространстве. [14, с. 224]

Кроме этого, существует промежуточный класс конкретно-абстрактных имен существительных. Физические тела, обозначаемые конкретными существительными, имеют свои пространственные границы. Когда их границы меняются со временем, эти тела остаются тождественными самим себе. Конкретно-абстрактные имена существительные определяют такие денотаты, которые образуются не с посредством собственных границ, а используя для этого границы других физических. Такими конкретно-абстрактными именами описывается отсутствие чего-либо, пустота в пространстве, не имеющая в себе субстанционного наполнения. [18, с. 78] Рассмотрим выше обозначенные положения на примерах.

«We beat it out flat; we beat it back square; we battered it into every form known to geometry – but we could not make a **hole** in it». [45, с. 118]

В приведённом предложении описывается ситуация, когда Гаррис пытался сделать дыру в банке. Фактически Гаррис создавал в дне банки новые

границы, которые будут очерчивать пустое пространство. Поскольку эти границы – физическое тело, то существительное «hole» в данном случае является конкретно-абстрактным именем существительным, находящимся на пересечении периферии фреймов абстрактного и конкретного имени существительного. Существительное «встреча» определяется таким же фреймом:

«If he be of a stout and short-winded build, you can easily avoid his advances; but, when he is of the youthful and long-legged type, a **meeting** is inevitable». [45, с. 149]

Собирательными существительными являются понятия, объединяющие составные части: «When George is hanged, Harris will be the worst packer in this world; and I looked at the **piles** of plates and cups, and kettles, and bottles and jars, and pies, and stoves, and cakes, and tomatoes, and felt that the thing would soon become exciting». [45, с. 35]

В данном примере «груда» - собирательное существительное, составными частями которого являются пирожки, чайники и бутылки.

Таким образом, обязательными слотами фрейма конкретного существительного являются слоты собирательного существительного, вещественного и классообразующего, слоты целостности, дискретности, эмпирической данности. Центральными слотами фрейма абстрактного существительного будут разного рода признаки: состояние, качество, процесс.

Существительные, описывающие эпистемологические понятия – это гносеологические имена, понятия, представления, абстрактные имена. Слово «эпистемология» переводится с греческого как знание, а в более широком смысле обозначает изучение чего-либо. Эпистемология является философско-методологической дисциплиной, которая изучает то, как мы приходим к знанию, изучает само это знание и процессы познания окружающего.

Абстрактные имена существительные обычно не имеют соотносительных форм по числу, часто употребляются либо исключительно в единственном, либо во множественном числе. Соотносительные формы множественного числа

абстрактных имён существительных могут обозначать отвлечённые свойства, качества, состояния или действия в их единичных проявлениях, при этом лексическое значение слова может конкретизироваться, приобретать новые оттенки значений.

Гносеологические имена существительные являются непрототипическими именами существительными в виду своей абстрактности, непредметности.

Помимо имён гносеологических, существуют онтологические имена существительные, ими определяются реальные материальные предметы, тела, которые существуют вне зависимости от сознания человека. Гносеологические имена существительные – прототипические существительные, обладающие границами, обозначающие физическое тело, которое можно выделить в пространстве, обладающее отдельностью, целостностью, темпоральной стабильностью и противопоставлено другим предметам в пространстве. [14, с. 259-261]

Онтологические существительные находятся в ядре фрейма существительного и являются прототипическими, в то время как гносеологические существительные находятся на периферии фрейма существительного, так как обозначают абстрактные понятия.

Прототипические онтологические имена существительные – это слова, называющие предметы, факты, явления реальной действительности, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счёту или измерению. Конкретные имена существительные обычно имеют соотносительные формы по числу и употребляются в ед. и мн. ч.

Гносеологические имена существительные могут быть как одушевлёнными, так и неодушевлёнными. Противопоставление одушевленных и неодушевленных сущностей представляет собой универсальную иерархическую шкалу, в рамках которой человек, как правило, располагаются выше животного, затем следуют растения, стихии, конкретные предметы, абстрактные понятия. Субъект определяется как неодушевленный, если он

является вещью или продуктом мыслительной деятельности человека. Так, неодушевлёнными существительными являются абстрактные концепции, вещества, факты, события, явления, некоторые свойства и качества. Одушевленным существительным является агенс, лицо, живое существо, организм. Таким образом, на периферии существительного находятся абстрактные, отвлечённые понятия, такие как *power, beauty, love*.

Однако между субъектами одушевлёнными и неодушевлёнными имеются колебания в определении одушевлённости таких субъектов, как мёртвые существа, шахматные фигуры, робототехника и употребляемые в пищу животные.

Возьмём для анализа предложение «A sea trip does you **good** when you are going to have a couple of months of it, but, for a week, it is wicked» - «Путешествие по морю приносит пользу, если длится месяца два, но одна неделя - это сплошное зло». [45, с. 8]

Вне контекста данного высказывания слово «good» находится на периферии существительного в виду абстрактности. Таким же образом, отчасти являясь признаком, оно находится на периферии прилагательного. Однако в данном случае «good» является более прототипическим существительным, поскольку имеет в большей степени предметное значение, чем «good» вне контекста, так как речь идёт о конкретной пользе, а не о понятии «добро».

Непрототипическими существительными также являются субстантно-предикатные невещественные существительные, граница денотатов которых образуется границей других субстантивных тел, тогда как сами они невещественные. [18, с 413]. К их числу относятся существительные, описывающие звук, волну, ветер, отверстия. В этой же периферийной области существительного находятся понятия меры, эталона, структуры: *inch, meter, outline, plan*. Приведём пример и сравним конкретное существительное с субстантно-предикатным: «It would be so ghastly dull and depressing in the evening, when your lamp cast uncanny shadows on the panelled walls, and the **echo** of distant feet rang through the cold stone **corridors**, and now drew nearer, and now

died away, and all was death-like silence, save the beating of one's own heart». [45, с. 53]

В данном предложении субстантно-предикатное существительное «эхо» находится на периферии абстрактного и конкретного существительного, так как оно образуется границей субстантивного тела, в данном случае – коридора, который, в свою очередь, является прототипическим конкретным существительным.

Фрейм непрототипического существительного включают в себя слот абстрактности. Абстрактное, непредметное имя – это существительное, обозначающее любой феномен ментального или реального мира, который не является физическим предметом или веществом. Например, абстрактны существительные, определяющие действия – reading, trading, находятся на периферии существительного и глагола. Также к центральным слотам фрейма прототипического абстрактного существительного относят процесс, событие, состояние, свойство, оценку и отношение. Как было отмечено ранее, отдельно классифицируются такие существительные, как «a pit», «a ditch», поскольку это единицы, денотат которых образуют другие предметы, другие денотаты. Абстрактно понятие ямы обозначает отсутствие, а значит, является менее прототипичным существительным относительно слова «a hill».

Прототипическим артефактным существительным является объект, появившийся в результате деятельности человека и выполняющий исключительно действие, для которого был создан. Артефакты почти всегда являются предикатами и имеют одну или несколько валентностей, соответственно фрейм прототипического артефакта имеет обязательные слоты валентности и неодушевлённости.

Прототипическим именем собственным являются антропонимы – имена людей и других животных: Harris, George, Montmorency. Прототипические имена нарицательные: dog, house, river. [45]

Фрейм одушевлённого существительного содержит слоты с признаками агентивности, с признаками активного участника ситуации, который

производит намеренное действие, изменяется, находится в состоянии. Самые распространенные суффиксы для таких агентивных существительных – это суффиксы *er*, *-or*, *-ar*. Обозначающие агенса существительные образуются из глаголов действия: *teacher*, *builder*, *catcher*, *beggar*, *sailor*. С точки зрения теории временной шкалы Т. Гивона, такое существительное более подвержено изменениям во времени. [32]

Контекст также играет большую роль в определении степени прототипичности существительного. Поскольку прототипическим существительным, находящимся в ядре фрейма, считается предмет, обладающий признаком конкретности и свойством быть опознанным посредством ощущений, действительно прототипическим существительным может являться слово *stone*, причём не только в силу своей конкретности. С учётом положений теории частеречной классификации Т. Гивона, основанной на передвижении концепта в рамках временной шкалы, *stone* находится близко к ядру категории существительного, так как обладает наименьшей изменчивостью во времени. Таким образом, можно предположить, что определение прототипичности того или иного существительного представляется возможным, если абстрактно сравнивать его с камнем. Тем не менее, стоит отметить, что «*stone*» обладает неодушевлённостью. На его фоне «*hare*», обладая большей агентивностью и изменчивостью в определённом контексте, в равной степени приближенно к ядру категории существительного и является таким же прототипическим в рамках его фрейма.

2.4. Прототипические признаки категории прилагательного

Фрейм категории прототипического качественного прилагательного обладает такими обязательными слотами, как степень сравнения, градируемость с помощью квантификаторов (*too, very, highly*). Прототипические качественные прилагательные имеют производные существительные (*beauty, darkness*) и имеют краткую форму.

Прототипические относительные прилагательные не имеют степеней сравнения и градируемости, не образуют производных существительных, не имеют кратких форм и используются только в функции определения.

Однако не существует жёстких границ между качественным и относительным прилагательным. Например, слово прилагательное «детский» в значении «детская кроватка» и «детские питание» является прототипическим относительным прилагательным. Вместе с тем, в значении «инфантильный» оно заметно сдвигается к периферии качественных прилагательных. Не имея при этом степеней сравнения, образованных синтетическим путём, для него возможны аналитические степени сравнения: *более детское, самое детское*.

Фрейм непрототипического прилагательного содержит слот субстантивации. Периферийное прилагательное является субстантивным, если обозначает признак субъекта, но при этом получает синтаксическое свойство существительного: *lame, sick*.

«It was that look of restful peace that comes to the faces of the **sick** sometimes when at last the pain has left them».

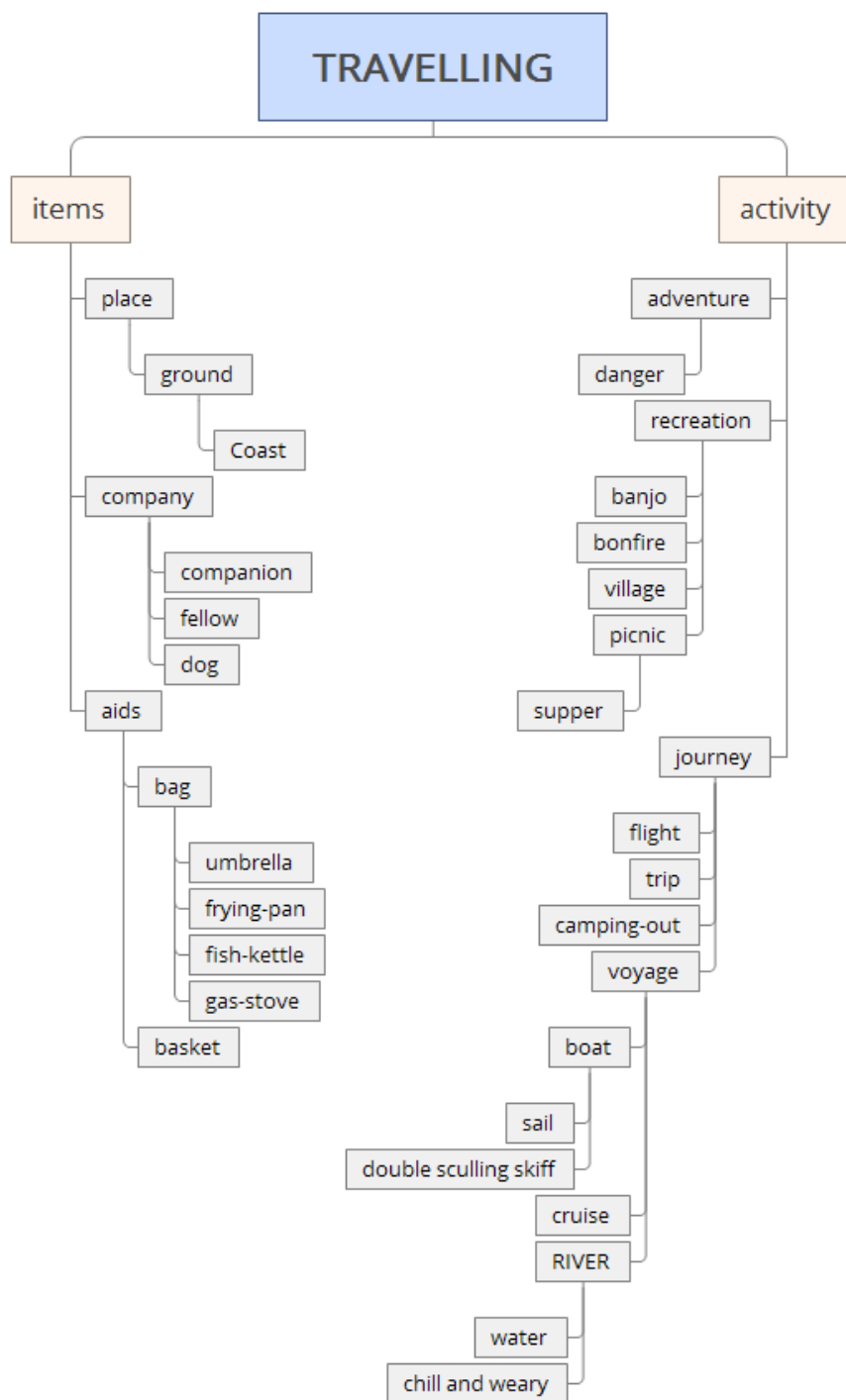
Существительное «больные» является субстантивным прилагательным и находится на периферии фреймов прилагательного и существительного.

«There was something so **fresh** and **piquant** about it». [45, с. 137]

В данном примере прилагательные «свежее» и «пикантное» являются окказиональными субстантивами и так же находятся на периферии фреймов существительного и прилагательного.

2.5. Анализ фрейма «путешествие», выявление проблем

Обязательными компонентами конкретного фрейма являются объект, субъект, предикат. Их характеристики факультативны: признаки, способы действия. Субъектными слотами могут быть как антропонимы, агенсы, так и артефакты – элементативы, как разновидность предметности. Объект может быть как одушевленный, бенефициатив, так и неодушевленный – объектив. В следующем параграфе мы попытаемся исследовать фрейм-сценарий на практике, используя фреймовый анализ. Фрейм-сценарий (скрипт) представляет собой каркас какого-либо дискурса и будущего высказывания в рамках этого дискурса. Данная структура состоит из понятий, каждое из которых является узлом главного фрейма-категории. Попробуем визуализировать проблему изучения фрейма, заключающуюся субъективности мышления отдельного индивида на примере повести «Трое в лодке, не считая собаки» Дж. Джерома.

Проанализировав отрывки из текста произведения «Трое в лодке, не считая собаки» Дж. Джерома нами была осуществлена попытка построения фрейма-сценария. На основе субъективного восприятия воспроизведены контринтуитивные, на первый взгляд, решения, такие как определение существительного boat в слот действий, хотя вне данной стереотипной ситуации слово boat является предметом и могло бы быть отнесено к слоту

«items». Дополнительно отмечается, что в данной схеме слово *banjo* связано в большей степени с деятельностью, так как один из героев повести играет на банджо, а вне присутствия агенса, имеющего намерение играть на банджо, само наличие банджо в тексте несёт в себе мало смысла.

К найденной в тексте категории компании (слот «*company*») было отнесено понятие «*dog*», тогда как прототипичная репрезентация сущности «собака» редко используется в контексте компании, поскольку компания подразумевает наличие существ, обладающих способностью к коммуникации.

Выводы по главе II

Произведён анализ прототипических и периферийных категорий глагола, существительного и прилагательного, выявлены характерные черты каждой категории и приведены примеры из текста повести «Трое в лодке, не считая собаки». Были сопоставлены фреймы существительного, глагола и прилагательно, выделены признаки и условия периферийности.

Мы выяснили, что обязательными слотами фрейма прототипического глагола являются значения событийности, активности, предельности, волитивности, объектности. Значение стательности, в свою очередь, не актуализировано, так как эти глаголы динамичны. Прототипическими считается ряд глаголов категории реальных событий. Таким образом, прототипическим глаголом, находящимся в ядре, является предельный, переходный, акциональный глагол, например, «*to push*». На периферии обозначается глагол неакциональный, стательный, релятивный, непереходный, который можно отнести к признаку.

Соответственно, фрейм непрототипического глагола выстраивается из слотов стательности, неопределённости, непереходности, но не содержит слот акциональности, так как значение активности не выражено. На различном удалении от прототипического ядра располагаются те или иные типы неакциональных глаголов, передающие глагольное значение процессуальности,

свойства, статальности или релятивности, в зависимости от числа и характера реализуемых прототипических признаков.

В первой главе настоящей работы был произведён фреймовый анализ фрейма-сценария «путешествие», выявлена проблема субъективности выстраивания подобного рода фрейма. В ходе анализа результатов проведённого нами эксперимента, нам оказалась близкой идея о том, что субъективность в отборе и распределении слотов фрейма-сценария «путешествие» говорит также и о присутствии некоторой доли субъективности в построении фрейма-концепта прототипических частей речи. Так, например, индивид, обладающий определёнными психологическими и когнитивными характеристиками, может не распределять фрейм глагола состояния на слоты глагола релятивного и ментального, т. е. не видеть разницы между действием отношения и действием знания, что часто называется интуицией. Также данная проблема касается вопроса эпистемологии, который состоит в исследовании возможности субъективно отличать онтологическое имя существительное от гносеологического имени.

Заключение

При решении задачи анализа частеречной категоризации нами было проанализировано состояние вопроса категоризации частей речи в свете когнитивного подхода, а также были систематизированы знания о фреймовой модели. Приведён краткий обзор исследований, посвященных классификации частей речи в отечественном и зарубежном языкознании, определяются основы выделения частей речи с общими признаками. Также был проанализирован текст произведения «Трое в лодке, не считая собаки» Дж. Джерома с позиции фреймовой семантики. В результате анализа была осуществлена попытка построения фрейма-сценария. В ходе его построения выявлена проблема субъективности фрейма, которая представляет собой препятствие в его изучении, так как фреймы отдельных индивидов отличаются. Решением данной проблемы представляется проведение сопоставительного анализа корпуса текстов о путешествии, установление универсальных национально-специфических и социально обусловленных черт репрезентации концепта «путешествие».

В практической части был произведён анализ фреймовых моделей частеречной категоризации, выявлены прототипические и непротоипические признаки таких категорий, как глагол, существительное и прилагательное, а также проанализированы проблемы их категоризации, которые заключаются в принадлежности разного рода глаголов к нескольким категориям одновременно, а также в субъективности категоризации. Таким образом, поставленные нами задачи рассмотреть состояние вопроса категоризации частей речи в когнитивной лингвистике и проанализировать проблему изучения фреймовой модели выполнены, а цель выявить проблемы изучения фреймовой модели достигнута.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. В 2 томах. Том 1. Парадигматика : монография / Ю. Д. Апресян – М. : Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / – М. : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
3. Бабенко, Л. Большой толковый словарь русских глаголов : 25000 слов / Л. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 2007. – 698 с.
4. Блох М. Я., Аралов А. М. Аспекты значения слова // Семантика и функционирование английского глагола / М. Я. Блох. – Горький : ГГПИИЯ, 1985. – 29с.
5. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. – М.-Берлин : ДиректМедиа, 2016. – 251 с.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. — 44 с.
7. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение : монография / А.А. Зализняк – М. : Наука, 1967. – 372 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М., 2004. – 477 с.
9. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик. – Воронеж, 2001. – 90 с.
10. Кацнельсон, С. Д. О грамматической категории / С. Д. Кацнельсон. // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1948. – № 2. – С. 114-134.
11. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л : Наука, 1972. – 213 с.
12. Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плуноян. – М. : Издательство МГУ, 1997. – 339 с.
13. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. — М. : Знак, 2012.

- 14.Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. : монография / Е.С Кубрякова – М. : Языки славянской культуры, : Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – 2004. – 560 с.
- 15.Левицкий Ю.А. Альтернативные грамматики: Стадии развития человеческого языка. 2-е изд., доп. / Ю.А. Левицкий. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. — 176 с
- 16.Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика : опыт топологической стратификации языковых структур / М. М. Маковский. — М. : КомКнига, 2006. — 232 с.
- 17.Минский М. Фреймы для представления знаний : пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова : монография. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
- 18.Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / А. А. Жданова – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.
- 19.Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – 64 с.
- 20.Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. — СПб. : Питер, 2004. — 160 с.
- 21.Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику : монография / В.А. Плунгян – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.
- 22.Поппер К. Логика и рост научного знания / Пер. Л. В. Блинников — М. : Прогресс, 1983. — 599 с.
- 23.Равдина, Н. В. Дифференциация причастий и прилагательных отглагольного типа в английской грамматике второй половины XIX-начала XXI вв. : автореф. дис. канд. филол. наук / Н. В. Равдина. – М. : МГУ, 2010. – 182 с.
- 24.Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. — 824 с.

- 25.Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.
- 26.Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса знаний : пер. с франц. Редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др.; / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
- 27.Тестелец Я. Г. Наблюдения над семантикой оппозиций «имя/глагол» и «существительное/прилагательное» / В. М. Алпатова. – М. : Наука, 1990. – 95 с.
- 28.Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М. : Издательство РГГУ, 2001. – 798 с.
- 29.Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Ю.С. Степанов. – М., 1995. – 117 с.
- 30.Эпштейн, Г. А. Глагол / The Verb : книга / Г. А. Эпштейн, Н. М. Казанская. – М. : Каро, 2001. – 542 с.
- 31.Croft W., Cruse A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. - 356 p.
- 32.Givón Talmy On understanding grammar introduction / Talmy Givón. – Acad. Press, 1979. – 379 p.
- 33.Givón Talmy Syntax: a functional-typological introduction / Talmy Givón. – Amsterdam : Benjamins Pub. Co., 1984. – 464 p.
- 34.Hopper P. The Discourse Basis for Lexical Categories in Universal / P. Hopper // Grammar Linguistic Society of America, 1984., Vol. 60, No. 4 – p. 752.
- 35.Hopper, P. J. Grammaticalization / P. J. Hopper. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 276 с.
- 36.Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind / G. Lakoff. – A. : Ph. : Benjamins, 1986. P.13-51.
- 37.Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987. – 632 p.

38. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? / G. Lakoff. – A. : Ph. : Benjamins, 1990 – 74 p.
39. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
40. Langacker R W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987. – 394 p.
41. Langacker R. W. Assessing the cognitive linguistic enterprise // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / Eds T. Janssen, G. Redeker. – Berlin; N.Y., 1999. – 59 p.
42. Lasswell H.D. The Analysis of Political Behaviour: An Empirical Approach / H.D. Lasswell London : Shoe String Pr Inc, 1998. – 510 p.
43. Verschueren J. 1987 – Metapragmatics and universals of linguistic action // Linguistic action: Some empirical-conceptual studies. – Norwood (N.J.): Ablex, 1987. – 140 p.
44. Waismann F. Verifiability // Logic and language: (First and second series). – Doubleday Anchor, 1953. – 394 p.

Источники

45. Jerome K. Jerome Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog) / J. W. Arrowsmith, 11 quay street – Bristol, 1889 – 130 p.